

ИДУЩИЙ ЗА ГОРИЗОНТ, ИЛИ

МОЛИТВА

О ПРЕОДОЛЕНИИ

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ГЕОРГА ВИЛЬГЕЛЬМА СТЕЛЛЕРА

Жизнь Стеллера просится в роман. Странно, что такой роман до сих пор не написан. Дело, быть может, в том, что Стеллер-ученый и Стеллер-человек долгое время у нас (да и не только у нас, по большому счету) находился в забвении, и лишь в последние пятнадцать лет один за другим появляются переводы его работ, уточняя роль и место Стеллера в истории русской и мировой науки и стимулируя интерес к личности ученого. Этим интересом и вызвано увеличивающееся на глазах количество публикаций о его жизни. Жизни удивительной — трагической и прекрасной.

Что там говорить — величина ученого не всегда соотносится с величиной человека. В случае Стеллера совпадение полнейшее, а если добавить к этому еще и по-хорошему авантюрный характер его странствий, то мысль о романе приходит на ум сама собой.

Труды и дни Стеллера — роман по определению. Мы найдем в нем эпос частной жизни, переплетение множества автономных сюжетных линий (всякая остановка Стеллера в его путешествии суть такая линия) с целым рядом оригинальных действующих лиц. А объединяет все это в гармоническое целое то, самое главное, без чего не обойтись роману, претендующему на «вечность», — это серьезнейшая сверх-идея, переносащая нас с грешной земли в запредельные выси. Под таковой мы разумеем столкновение двух мощных сил, которое можно обозначить привычным для русского уха противопоставлением «жизнь и судьба».

Природа одарила Стеллера многим: отменным здоровьем, многими талантами, легким нравом, железной волей. Казалось бы, приспособь все это к условиям тогдашней жизни и горя не знай: занимайся наукой, издавай книги, воспитывай учеников, скромно носи бремя славы, доживай жизнь седовласым старцем в достатке и почете. Более того, возможностей для этого, если вздуматься, у Стеллера было предостаточно. Ни одной из них он не воспользовался. Сгорел, как комета, исходив полземли и не увидев ни одной своей напечатанной строки — страшная, вообще-то говоря, доля для

ученого. И всей жизни его было отпущено 37 лет (мы специально обращаем внимание читателя на эту цифру, она — многозначительная). Слишком часто эта цифра встречается, когда мы говорим о необыкновенных людях, она озарена мистическим светом и заставляет вспомнить о судьбе, о высшем предназначении. Именно «судьба» Стеллера ломала его «жизнь», отставляя в сторону все соблазны спокойного и размеренного существования, которыми последняя манила.

Но, все по порядку.

Курс ботаники в Сиротском доме в Галле, где молодой Стеллер подрабатывал в качестве педагога (кстати, популярного в среде учащихся), курировал один из лучших европейских медиков того времени профессор Ф. Хофман. Хофман протезировал Стеллеру, увидев в нем великие способности к науке. По его настоянию, Стеллер блестяще сдает квалификационные экзамены по ботанике в Берлине, претендуя на место профессора ботаники в университете в Галле. Отметим существенное — эти экзамены ему пришлось сдавать, потому что сам-то он — и в Виттенберге, и в Галле — учился на теологическом факультете, занимаясь естественными науками попутно, как бы в порыве молодой души, которой все интересно на этом свете: и оправдание Бога, и основания религиозной жизни, и устройство человеческих внутренних органов. По сути-то, тут нет никаких внутренних разрывов и оппозиций: у человека начала XVIII века (тем более, воспитанного в протестантской традиции) гармония и всеединство мира не вызывали сомнений. Другое дело, что любопытство к внешним (скажем так — естественнонаучным) проявлениям Божественного откровения пересилило в молодом Стеллере интерес к собственно их источнику, и это предопределило всю его жизнь. Ф. Хофман, со своей стороны, пытался убедить короля Фридриха Вильгельма в том, что профессор ботаники университету нужен, как воздух, и что есть прекрасная во всех отношениях кандидатура на эту должность, имея в виду Стеллера. Подробности этой истории неизвестны — известно лишь, что король не согласился с доводами Хофмана.

А. М. ПАНФИЛОВ

И тут Стеллер делает резкое движение, вместо того, чтобы спокойно дожидаться новой открывающейся вакансии. Наверняка она бы рано или поздно открылась, ведь обычно жизнь, желая человеку тихого добра, подталкивает к этому. Но резкие движения, в конце концов, станут обычными для Стеллера, формируя совершенно определенный стиль жизни. Стиль преодоления, стиль стремления туда, куда нормальный человек по своей воле никогда бы не устремился. Из множества вариантов, предлагаемых днем насущным, он всегда выбирал самые трудные. Но и самые увлекательные.

Итак, в 1734 году Стеллер покидает Галле и на свой страх и риск отправляется пешком в Данциг, где тогда стояла русская армия. Мотивировка проста — в Петербурге не так давно открылась Академия наук, и там чаемое место профессора ботаники будет получить значительно проще, нежели в напичканной учеными людьми Германии. А так как денег нет, то удобнее всего проникнуть в Россию, найдя себе применение — в качестве врача — в русской армии. Вроде бы все логично, на первый взгляд. Но, на взгляд более пристальный, и достаточно авантюрно — без рекомендаций, без контракта отправляться в чужую страну, про которую известно лишь то, что там по улицам больших городов бродят медведи. Тем не менее, Стеллер едет. И в Петербург все-таки попадает. Судьба сбывается.

Как выяснилось, в Петербурге Стеллера никто не ждал. Его не встретили овациями, не умоляли на коленях занять место профессора ботаники. Но это не обескуражило молодого ученого. В скором времени ему удалось завоевать доверие Феофана Прокоповича. Прокопович любил понятливых собеседников, да и здоровье его оставляло желать лучшего. Позади были бурные годы, полные реформаторских трудов, опасностей, интриг, побед и поражений. Стеллер, знающий толк в медицине, согласился стать лечащим врачом архиепископа. Свободного времени оставалось немало, его он посвящал научным изысканиям. В Академии был, что называется, «на подхвате». Но — с несомненными перспективами. Чего бы еще желать? Имея такой мощный «паровоз», каким был для него Феофан Прокопович, можно было спокойно ждать превращения этих перспектив в несомненнейшую реальность. Совершенно точно — стал бы Стеллер со временем профессором. И, надо думать, не последним.

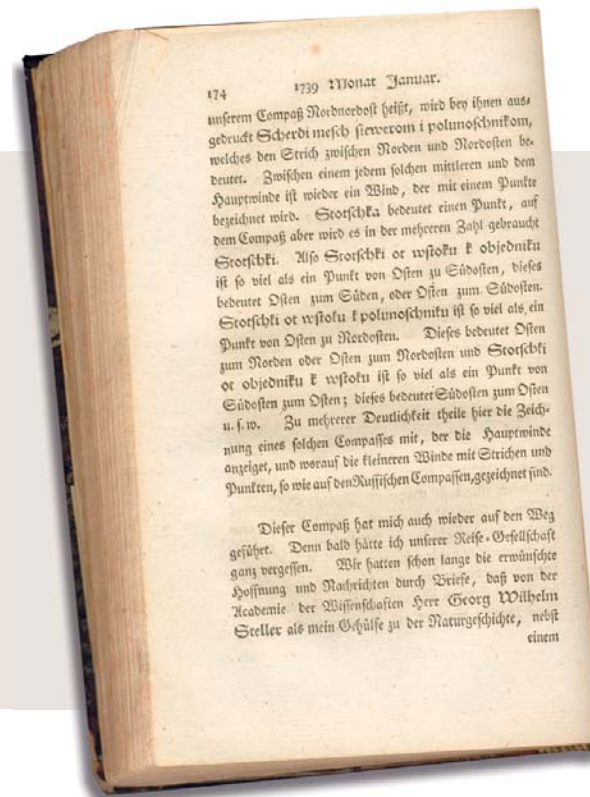
А Стеллер вообще был великим ходоком. На Камчатке это даже помогло ему придумать новый научно-экспериментальный метод. Камчатку нужно было активно осваивать, но людей для этого не хватало. Приток человеческой силы ограничивался несколькими обстоятельствами. Одно из них — страшная дороговизна хлеба. Стеллер задумался: а нельзя ли человеку вовсе обойтись без хлеба? Чтобы ответить на этот вопрос, он прошел пешком 242 версты от Большерецка до Верхнего Камчатского острога, исключив из своего рациона хлеб и используя в питании только местные продукты. Дошел живым, невредимым и лишь слегка похудевшим. Научная проблема была решена. Но не бытовая — русские не захотели отказываться от хлеба.

Бывают странные сближенья... Прокопович и Стеллер встретились еще раз — уже после смерти. Первое полное издание трактатов Феофана Прокоповича было предпринято в Лейпциге в 1773–1775 гг. И в это же время в Лейпциге впервые опубликовали «Описание земли Камчатки» Стеллера. В России это сочинение — по причинам, которые мы за недостатком места не будем разбирать (а ведь тоже история почти детективная!), — положили под сукно. И очень толстое сукно — русскому переводу этой книги удалось пробиться из-под него к читателю только в конце XX века. Странная встреча, не правда ли? Но вот в дружбе Прокоповича и Стеллера ничего странного не было — это было сродство душ. Прокопович — убежденный протестант в наряде православного иерарха. Петровское время не скупилось на парадоксы. Главным реформатором православной церкви, канонически «обосновавшим» методы петровской религиозной реформы, оказался человек, «лучшими силами своей души, — как признавался он в приватном письме, — ненавидевший митры, саккосы, жезлы, свечницы, кадильницы и тому подобные забавы». А любивший науки и искусства, дух переустройства и мощное государство, пиры и интриги и ничем не брезговавший в достижении целей, казавшихся ему оправданными высокой необходимостью. В 1730-е годы, когда главного единомышленника и покровителя уже не было на свете, земля качалась под ногами архиепископа, ему требовалась духовная поддержка, которой он искал у близких по духу людей. Таким ему увиделся Стеллер. Таким, впрочем, во многом он и был.

Не тут-то было. Когда он узнал о Второй Камчатской экспедиции, беспокойное сердце его заволновалось. Туда, в Сибирь! И уже никто не мог его отговорить от этого опрометчивого, в глазах многих, шага. В Петербурге Стеллер немало общался с Д. Г. Мессершмидтом, который семь лет (в 1720–1727 гг.) по заданию Петра I колесил по Сибири, собирая сведения о ее истории, природе и этнографии. По сути, Мессершмидт был разведчиком армии, если под «армией» понимать Вторую Камчатскую экспедицию. Разведчиком всегда нелегко. Натерпелся в Сибири, похоже, и Мессершмидт, потому что он всячески отговаривал Стеллера от поездки, грезившейся тому во снах. Не отговорил. Заручившись поддержкой сильных мира сего, Стеллер добился-таки своего. В начале 1737 года его приняли на службу в Академию наук адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции. Снова судьба.

По приглашению И. Гмелина и Г. Миллера, руководивших академическим отрядом Второй Камчатской экспедиции, Стеллер в январе 1739 года захал к ним в Енисейск. Как и они, на всем протяжении своего путешествия он вел дневники, со временем превратившиеся в многочисленные научные труды. Академиков поразили личные качества молодого ученого. Вот как пишет о нем в своем «Путешествии по Сибири» И. Гмелин:

«Он никакой одеждой себя не обременял. Поскольку в Сибири приходилось самому обустроить свое жилище, он довольствовался очень малым. Свою жажду он удовлетворял пивом, медом и водкой (!!! — А. П.)... Он имел всего один горшок, заполнявшийся всеми продуктами, которыми он располагал. Он никакого повара не имел. Готовил все сам... Он был всегда в хорошем настроении, и с ним необычайно легко было проводить время, поскольку он всегда был весел. При этом мы заметили, какой бы беспорядочный образ жизни он ни вел, в работе был пунктуальным и все выполнял неумолимо. Исследования были для него легки, и он мог работать целый день без пищи и питья, когда он рассчитывал на успех в своих научных занятиях».

В нескольких строках внимательный Гмелин обрисовал весь характер этого удивительного человека — именно таким он предстает и на страницах своих дневников, которые читаются запоем. Другое дело, что отношения между Стеллером и академиками вскоре усложнились — почти до вражды. Стеллер не признавал никакой субординации — это-то и послужило главной причиной охлаждения. Он был неумен, и при всей своей «легконравности» без страха шел на конфликт с теми, кому формально обязан был подчиняться. Но шел в одном-единственном случае — «за правду».

Добравшись до Иркутска, Стеллер много работал, обследуя места, оставленные без внимания «господами академиками», заполняя белые пятна. Он был обласкан местными властями, перезнакомился с местным обществом, получал всякую необходимую помощь. Дальнейший его путь лежал на Камчатку, но сама жизнь предоставила ему шанс отказаться от опасной поездки. Отказались же от нее в свое время Миллер и Гмелин, отправив туда студента Крашенинникова. Более того, Стеллеру не нужно было ничего и придумывать. Он мог воспользоваться формальным запретом самих академиков.

Дело в том, что Стеллер, не посоветовавшись с Гмелиным и Миллером, отправил из Иркутска в Петербург собранные в тамошних местах материалы: травы, минералы, кости, семена и «иные курьезные вещи». Узнав об этом, академики разгневались, задержали в Красноярске, где зимовали, груз, перебрали его, а иркутским властям послали реляцию, требуя запретить Стеллеру, «не умеющему работать самостоятельно», поездку на Камчатку.

Иркутск — не Камчатка, все-таки какая-никакая, а цивилизация. Останься здесь, Стеллер не подвергал бы свою жизнь смертельной опасности, а для научных изысканий Сибирь тогда представляла великие возможности — была бы охота их использовать. Но не таков Стеллер. Да, он ученый милостью Божией, но к тому еще и человек, влюбленный в горизонт. А горизонт недостижим, он всегда отодвигается. Стеллер был человеком, идущим за горизонтом. И еще — его влекло все, «что гибелью грозит». Это какое-то неосознанное стремление испытать себя на пределе сил человеческих, открывая при этом новое — новые виды животных и растений, новые земли, новые народы...

Невзирая на запрет своих формальных начальников, Стеллер встретился с заместителем Беринга М. Шпанбергом и добился от него разрешения ехать на Камчатку. Сначала он предполагал принять участие во второй экспедиции Шпанберга к Южным Курилам, а когда та не удалась, познакомился с самим Берингом. «Ныне обретаецца здесь, — сообщал в донесении Беринг, — присланный из Санкт-Петербурга адъюнкт истории натуральной Штеллер, который писменно объявил, что он в сыскании и в пробовании металлов и минералов надлежащее искусство имеет, чего ради капитан командор со экспедицкими офицерами определили его, Штеллера, взять с собою в вояж, к тому же он, Штеллер, объявил же, что в том вояже сверх того чинить будет по своей должности разные наблюдения, касающиеся до истории натуральной и народов и до состояния земли и протчаго, и ежели какие руды и найдутца, то оным адъюнктом Штеллером опробованы будут». Ради справедливости надо сказать, что равнодушного к научным изысканиям Беринга

более привлекли медицинские познания ученого. Сам Беринг прихварывал, и врач на корабле ему был очень нужен (штатный судовой лекарь, по некоторым сведениям, как раз в это время тяжело заболел). Беринг даже определил Стеллера в собственную каюту.

Но, так или иначе, в знаменитый «вояж», закончившийся столь трагически, Стеллер отправился. Снова судьба вела.

Страшные обстоятельства обратного плавания широко известны. Два месяца корабль трепали бури, люди в мучениях умирали от цинги. «Мы плыли, с Божьей помощью, куда нас гнало разгневанное небо, — пишет Стеллер. — Половина нашей команды лежала распростертой, другие, в силу необходимости, держались как здоровые, но вследствие ужасающих волн и качки корабля все были как полоумные. Молились горячо и много; но проклятия, накопившиеся за десять лет пребывания в Сибири, лишали нас возможности быть услышанными». А вот жуткая хронология этого плавания, запечатленная в скупых строчках вахтенного журнала (приводим выдержку из него): «18 октября. Волею Божьею умер морской солдат Алексей Киселев. 20 октября. Волею Божьею умер камчатский служилый Никита Харитонов. 22 октября. Волею Божьей умер

морской солдат Лука Завьялов. 31 октября. Умер солдат якуцкого полку Карп Пашенной. 2 ноября. Умер адмиралтейский плотник Иван Петров. 4 ноября. Умер барабанщик сибирского гарнизона Осип Ченцов (3 ч. ночи). 2 ч. дня умер сибирский солдат Иван Давыдов. 5 ч. дня умер морской гренадер Алексей Попов».

В конце концов, они высадились на остров, названный позднее именем Беринга. Тремя неделями позже буря сорвала с якоря пакетбот и он, сев на мель, пришел в совершенную непригодность. Остаткам команды пришлось зимовать на острове. За зиму погибло еще тридцать человек, включая и Витуса Беринга. Но в том, что остальные выжили и вернулись домой, немалая заслуга Стеллера.

Он ухаживал за больными, охотился на зверей, поил членов команды противоцинготным чаем — до тех пор, пока те не стали понемногу оправляться. И при этом с увлечением исследовал остров. Собрал несколько коллекций и большой гербарий, открыл несколько новых видов животных и птиц. При этом надежды на счастливый исход временами покидали и его: «Я был один, — писал он, — под открытым небом, должен был сидеть на земле; мне мешали холод, дождь, снег и часто беспокоили звери; у меня не было нужных инструментов, и притом я не надеялся, чтобы когда-нибудь моя работа сделалась известной и принесла кому-нибудь пользу». Но перед товарищами он всегда представлялся веселым, неунывающим и энергичным.

И высокое любопытство, без которого не бывает настоящей науки, ни на минуту не оставляет его. Ему нужно все увидеть собственными глазами, потрогать руками, попробовать на язык. Удивительно, но даже молоко той самой, знаменитой морской коровы, что теперь исчезла, но в научном обиходе носит его имя, он описывает так, будто пил его (да ведь и пил, скорее всего!): «Под передними ногами [у нее] находятся грудные железы с черными, морщинистыми, в два дюйма длины сосками, к концам которых идут бесчисленные молочные каналы, содержащие большое обилие молока, превосходящего своею сладостью и содержанием жира молоко животных, живущих на земле, в остальном же вполне схожего с ними...»

Все, в конце концов, обошлось. В августе 1742 года оставшиеся в живых путешественники вернулись в Петропавловск.

Время с августа 1742 года по август 1744 года отмечено необыкновенно бурной деятельностью ученого. Он будто спешил закончить все дела, сделать которые был рожден судьбой.

За словом в карман Стеллер, если ему нужно было чего-нибудь добиться, никогда не лез — тому есть немало свидетельств.

Но этой его «несдержанности» наука обязана целым рядом открытий. Он ведь и с Берингом отношения по дороге на Аляску испортил до такой степени, что капитан-командор объявил ему форменный бойкот. А прислушайся он к настырному ученому — как знать, экспедиция эта, быть может, была бы более счастливой. Потому что закончиться она могла намного раньше. Дело в том, что с первого захода Беринг «промазал» мимо Аляски. Близкую землю закрывал туман. Стеллер же обращал его внимание на приносимые с севера водоросли и улетающих туда птиц. Но капитан-командор отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Когда наконец обнаружили остров Кадьяк близ аляскинских берегов, времени уже почти не оставалось. Снедаемый тревожными предчувствиями Беринг приказал лишь пополнить запасы воды и тут же отправляться в обратный путь. Стеллер снова не сдержался: «Итак, — сказал он, — мы сюда пришли для того, чтобы американскую воду перевезти в Азию», — и потребовал отпустить его на берег. Далее произошел скандал. Но предоставим слово самому Стеллеру: «Сначала меня старались запугать рассказами о страшных убийствах, но когда я на это ответил, что никогда не был бабой и опасностей не боюсь, и что совсем не могу понять, почему меня не хотят отпустить на землю и препятствуют выполнению возложенных на меня правительством задач (каков хитрец! — А. П.), то меня старались задержать на корабле шоколадом, который как раз в этот момент готовился. Когда же я окончательно убедился, что меня хотят силою принудить к неисполнению служебных обязанностей, то я, наконец, отбросив всякое стеснение и вежливость, взмолился особой молитвой, что тотчас же и смягчило господина командира: он отпустил меня на землю с водовозами...» Что же за волшебную молитву вспомнил Стеллер? Впрочем, гадать нет нужды, чуть ниже он сам дает объяснения: «Съезжая с корабля, я еще раз показал командиру, хорошо ли я умею ругаться и сердиться, ибо он велел, дабы заглушить мои слова, трубить трубачам мне вслед». И, похоже, к спасительной помощи «особой молитвы» Стеллер в своей жизни прибегал нередко. В данном случае она оказалась действительно чудодейственной. За шесть отпущенных ему часов Стеллер совершил настоящий научный подвиг, описав флору и фауну острова (одних растений им было обнаружено 160 видов), приметы быта его обитателей (которые скрылись при виде чужеземцев) и собрав огромное количество научных экспонатов.

Якутск (1753 г.)

Вторая Камчатская экспедиция завершилась, ее участники, недосчитавшись многих в своих рядах, разъезжались по домам, но Стеллер в Европу не торопился. Он все время в дороге, в трудах: за эти два года он исходил вдоль и поперек Камчатский полуостров, побывал практически во всех острогах, сплавал на северокурильский остров Шумшу, изучал жизнь русских и аборигенов на Камчатке, собирал коллекции, описывал растения и животных, много писал. При этом, по своему обыкновению, «спешил (он все время спешил!) делать добро». Открыл в Большерецке школу и сам преподавал в ней. Защищал ительменов от притеснений колонизаторов, а таких хватало — сама удаленность от метрополии и безнаказанность провоцировали многих вести себя подобно царькам. Разумеется, снова наживал себе врагов.

Вообще, надо признать, что психологическая атмосфера во Второй Камчатской экспедиции была не слишком здоровой. Разногласия начались с самого начала. Руководители экспедиции не могли найти между собой общий язык, ссорились. Было много недоразумений среди личного состава. Берингу не всегда удавалось твердой рукой навести порядок. Выработался и метод ведения интриг. Всякий обиженный или считавший себя таковым тут же писал жалобу в Петербург. Учитывая расстояния и то, что в самом Петербурге 30-х — начале 40-х годов XVIII века было далеко не спокойно, можно себе представить царившую в экспедиции неразбериху.

Не брезговал указанным методом и Стеллер. Но опять же — исключительно «за правду». Почти влюбившись в ительменский народ (не забудем, что для эстетики нарождавшегося тогда Просвещения был характерен культ естественного человека), он в меру сил своих старался оградить ительменов от чрезмерной внешней агрессии. Где-то около этого времени, столкнувшись с возмутительными фактами, он написал в Сенат, что некто мичман Хмелевский не исполняет правительственных распоряжений и притесняет туземцев. Вот тут и лежит завязка рокового финала жизни ученого. Хмелевский не остался в долгу и послал в тот же Сенат донос о том, что Стеллер самочинно освободил бунтовщиков из-под стражи и даже снабдил их оружием. Первое было сущей правдой, хотя освобождал Стеллер не бунтовщиков, а бедных людей, доведенных произволом до тихого ропота; второе же являлось просто вздором. Но вздор, если на нем настаивают, часто убеждает лучше правды.

Но, пока суд да дело, Стеллер продолжал свои труды. Зимой 1742–1743 гг. он посвятил «Описанию земли Камчатки» и практически завершил эту замечательную книгу.

Около половины ее объема занимают уникальные сведения об ительменской культуре, об образе жизни этого странного, ни на кого из ближайших соседей не похожего народа. Даже трудно представить, сколько

Цитировать Стеллера хочется бесконечно, настолько он оригинален в своих писаниях. И не только бесценными сведениями привлекают они. Сам стиль его притягивает как магнит, не отпускает.

Без сомнения, Стеллер мог бы стать крупным писателем. Для этого в его текстах есть все: чувство ритма и композиции, тонкая ирония, романтическая взволнованность, чуть уловимая эротичность. Приведем забавный пример. Встретившись с морской коровой, Стеллер высказал гипотезу, призванную совершить переворот в морской мифологии. В то время много говорили о русалках, пытаясь как-то рационально объяснить появление многочисленных легенд, повествующих о встречах с ними. В результате как будто стали сходитьсь на том, что русалки суть эротические фантазии моряков, у которых слегка «едет» психика в условиях долгой оторванности от нормальной жизни. Стеллер и тут решил идти против общепринятого мнения. Понаблюдав за морскими коровами, он предположил, что именно этих животных усталые глаза моряков всегда принимали за русалок. Мысль дерзкая, если не забывать, что это были животные длиной до десяти метров и весом более четырех тонн, и что они передвигали по дну свое массивное тело с помощью двух ласт. Правда, у них был хвост, напоминающий китовый (и русалочий?), и еще кое-что, что позволило Стеллеру сблизить морскую корову с человеческим существом. Вот как он описывает любовь морских коров: «Совокуплению предшествуют долгие любовные игры. Непрерывно преследуемая самцом самка не спеша плавает туда-сюда, легко уклоняясь от него, пока, решив не откладывать дальше, не перевернется на спину, как бы устав и уступая, после чего самец стремительно наплывает на нее сверху, платя дань своей страсти, и они застывают в совместном объятии». Какова поэзия! А интересно — писал ли Стеллер стихи? Что-то подсказывает, что определенно должен был писать.

времени он должен был провести среди ительменов, чтобы столь подробно описать их жизнь, и, что существеннее, кем для них стать, чтобы они настолько открылись перед чужеземцем. Впрочем, в тех случаях, когда ительмены что-нибудь утаивали, Стеллер, как он это умел, придумывал новые остроумные методы научного исследования. Так, для того, чтобы записать обряд главного ительменского праздника, он притворился спящим, а уж потом записывал выведенные таким образом детали ритуальной практики.

В августе 1744 года Стеллер почел свою миссию выполненной и через Охотск и Якутск поехал обратно. В столицу.

Тунгус в охотничьем наряде. Конец XVIII в.

Камчатский шаман. Конец XVIII в.

Камчатка

Летние жилища современных ительменов Камчатки. Фото Я. Оелкера

Рыбный промысел — одно из основных занятий коряков. Фото Я. Оелкера

Остров Шумагина. Фото Я. Оелкера

Нынешние ительмены трепетно хранят память о Стеллере. Из ученых он был одним из тех немногих, кому довелось видеть ительменов как народ «в чистом виде».

К концу прошлого века ительмены, в сущности, исчезли с лица земли, ассимилировавшись с другими народами. Но народ — это не только чистота крови. Важнее другое — национальное самосознание, хранителем которого выступает культура. Погибает культура — погибает и народ. Но культуру можно попытаться оживить, для этого требуются письменные источники, запечатлевшие ее. Когда в конце двадцатого века на Камчатке объявились местные энтузиасты, смыслом жизни которых стало возрождение ительменского народа, они первым делом стали искать такие источники. Одним из них стало «Описание земли Камчатки» Стеллера. Именно по его описаниям оказались воскрешены многие праздничные обряды, танцы, ритуалы, бытовая культура. Именно от Стеллера люди узнали о родном прошлом и связали его с настоящим, а значит, и с будущим. «Благодаря Стеллеру живет наша культура, — говорят современные потомки ительменов. — Спасибо ему. Быть может, он сейчас слышит нас?»

Стеллерова корова

Предположительно портрет Г. В. Стеллера

Судьба была исполнена. Здесь ей угодно было поставить точку. Вот только вопрос: почему эта точка вышла столь печальной? Спрашивать, впрочем, особенно не у кого.

О последних месяцах жизни Стеллера писать тяжело. Не оставляет ощущение какой-то страшной внутренней катастрофы. Бывают резиновые люди — гни их в любую сторону, они лишь улыбнутся в ответ. Стеллер был железным человеком, он мог вынести нечеловеческие нагрузки, но наступал предел, сверх которого железо просто ломается. Способствовало этому, видимо, и то, что в свои последние месяцы он оказался как бы выдернут из состояния постоянного созидания, позволил себе расслабиться, передохнуть. Отдых людям такого калибра противопоказан.

Мы знаем лишь одно. После освобождения из-под стражи в Таре (этот сюжет в двух словах описан в предисловии к нашей публикации) Стеллер по пути на запад остановился на три недели в Тобольске. Здесь его окружили теплом и симпатией, и Стеллер, то ли радуясь своему освобождению, то ли заглушая невыносимую боль от чудовищного ему непризнания

научных своих заслуг в столице, увлекся возлияниями. всю дорогу в Тюмень он продолжал алкогольные упражнения. По свидетельству очевидцев, все это время он жаловался, что жить больше не хочет. Что карьера не задалась, а научная деятельность никчемна. Погода стояла холодная, и Стеллер сильно простыл. В Тюмени его пытались выводить находившиеся там два корабельных лекаря Второй Камчатской экспедиции, но ничего не помогло — Стеллер сгорел в считанные дни.

Священник запретил похороны протестанта на православном кладбище, и Стеллера похоронили на крутом берегу Туры. Тело перед этим завернули в дорожную красную мантию с золотыми нашивками. В ту же ночь могила была осквернена, мантию с покойника содрали, а голое тело бросили рядом. Повторно похоронив Стеллера, его друзья, чтобы больше не соблазнять злоумышленников, положили на могилу массивную каменную плиту. Спустя тридцать лет поклониться праху Стеллера сюда приходил академик П. С. Паллас. После этого могилу потеряли — ее снесла вода в один из мощных паводков.

На этой минорной ноте (не без некоторого метафизического громыханья где-то вдали) закончилась земная судьба замечательного ученого.

Когда размышляешь о ней, невольно вспоминаешь «Железную волю» Лескова. Георга Стеллера вряд ли можно назвать двойником Гуго Пекторалиса, Стеллер

слишком жизнерадостен и бесшабашен для этого. Но сам образ немецкого «железа», намертво вязнущего в русском «тесте», многое может объяснить. И лежит это как-то вне оценочных характеристик: «Железо хорошо, а тесто плохо», или наоборот. Всеу свое время и свое место. Неслучайно и то, что лесковская повесть была впервые переиздана и как бы обрела второе дыхание в годы Великой Отечественной войны. Во всяком случае, тут есть, о чем подумать.

Морские котики на о. Беринга. Фото У. Ванхофа

Судьба Стеллера страшна и прекрасна. И где нам взять те беспристрастные весы, которые бы честно взвесили точную меру того и другого, ответив при этом, стоило все-таки и ли не стоило молодому Стеллеру отправляться в неведомую Россию? Такие весы нам взять негде. Мы не боги, и судеб человеческих нам изменить не дано. Но представим на минуту: тот самый профессор Хофман, о котором речь шла в самом начале нашего рассказа, все-таки уговаривает короля Фридриха Вильгельма принять Стеллера профессором по кафедре ботаники. У короля хорошее настроение, он встал с правой ноги, он встречает юного ученого с распростертыми объятиями и ведет за руку к ликующим студентам. Далее все представимо и расчислено на долгие годы вперед... И никакой России, никакой Камчатки, никакой Аляски. Выразить отношение к такому повороту судьбы — личное дело каждого читателя. У нас же, как бы жестоко это кому-нибудь не показалось, все внутри протестует против такого варианта... Толковых ученых в Германии были сотни (если не тысячи), а Стеллер в России был один. Он счастливо попал в свою судьбу, как шар в бильярдную лузу. И прожил ее по максимуму, обогатив русскую и мировую науку.

Другое дело, что вклад этот долго лежал под спудом. Вспомним еще раз тяжелый камень, положенный на его могилу. Точно такой же камень, образно говоря, лег и на его труды. Настало время, и мы этот камень понемногу приподнимаем.

КАМЧАТСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ
СЕКТОРА ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТА
ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Фотографии К. Сагалаева

